

В. В. ЗНАКОВ

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКА



**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Виктор Владимирович Знаков

Психология понимания

мира человека

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014078

*В. В. Знаков. Психология понимания мира человека: Институт
психологии РАН; Москва; 2016*

ISBN 978-5-9270-0324-8

Аннотация

В монографии представлена авторская точка зрения на роль и место понимания в многомерном мире человека. Обсуждены методологические, теоретические и эмпирические проблемы исследований в области психологии понимания и психологии человеческого бытия. Проанализированы несколько направлений психологического исследования феномена понимания. Обосновано, что аналитическое расчленение мира человека на эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную реальности дает возможность психологам изучать не только общее, но и особенное в понимании трех этих реальностей. Феномен понимания неоднороден, его психологические механизмы в разных плоскостях человеческого бытия отличаются друг от друга. Представленная в книге логика психологического анализа дает возможность рассмотреть

основания понимания в целостном континууме «знания – опыт». Такой ракурс рассмотрения обсуждаемых областей научного знания открывает перед учеными возможность постановки и изучения новых для психологической науки проблем – постижения, непостижимого, тайны и др. Итогом монографии стала целостная модель теоретических оснований психологии понимания субъектом многомерного мира человека.

Содержание

Введение	6
Глава I. Мир человека и человеческое бытие	13
1.1. Бытие и мир	13
1.2. Определение «понимания мира человека»	25
1.3. Три реальности мира человека	31
1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека	77
Конец ознакомительного фрагмента.	91

В. Знаков
Психология понимания
мира человека

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

* * *

Введение

Современное социогуманитарное познание характеризуется отчетливо просматривающимся изменением его методологических оснований. Главный признак изменения состоит в том, что наряду со «знанием» и «языком» в фокусе внимания исследователей все чаще оказывается «опыт». Взаимодействие в психике познающего субъекта вербализованного достоверного знания и обычно не осознаваемого опыта особенно очевидно при научном анализе фундаментальных проблем бытия человека в мире. Именно к ним относятся вопросы о том, из каких реальностей состоит «мир человека» (С. Л. Рубинштейн) и как люди понимают относящиеся к ним явления, факты, события, ситуации. Название монографии указывает на то, что оба вопроса в ней объединены. В книге представлены результаты проводившихся в течение последних пятнадцати лет теоретических и эмпирических исследований в двух смежных областях психологической науки – психологии человеческого бытия и психологии понимания.

Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна, современные психологи понимают «мир человека» как соотнесенную с людьми совокупность вещей и явлений, представляющую собой организованную иерархию различных способов человеческого существования. В мире человека предыдущие,

«дочеловеческие», уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и в социальный мир. Люди и преобразуют бытие, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений, и осознают его. Мир – это бытие, изменяемое действиями, человеческой активностью. Активность проявляется в сознании, деятельности, мыслях, поступках, созерцании, постижении. Это – не только средства преобразования бытия, но и выражение подлинно человеческих способов существования. Для психологии одним из главных способов является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. Человеческое бытие является неотъемлемой частью мира человека, а психология человеческого бытия – логичным продолжением и развитием психологии субъекта. В монографии изложены теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований в области психологии человеческого бытия, дающие возможность ученым считать ее целостной областью психологического познания.

В книге человеческое бытие анализируется как нетождественное индивидуальному жизненному пути, единичное, потенциально воплощающее в себе общечеловеческое. С этой точки зрения допустимо и обоснованно утверждение о том, что субъектом в самом обобщенном, но вместе с тем и точном смысле этого слова является все человечество

(Брушлинский, 2003).

Еще один принципиально значимый фокус изучения человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Задача такого изучения состоит в устремленности к поиску конкретных психологических закономерностей трансформации, изменения человеческого бытия под влиянием ценностей. Подобная трансформация происходит вследствие присущей человеку склонности обращать свой мысленный взор к основаниям своего бытия. Рефлексивная направленность неизбежно порождает стремление к оценке, ценностному взгляду на бытие.

Наконец отличительный признак психологического анализа бытия заключается в акценте на многомерности мира, в наличии разных уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей. В этом контексте важным и перспективным направлением психологических исследований является постановка и решение вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта. Этот вопрос целесообразно сформулировать таким образом: мир человека один или их множество, и его жизнь может быть описана как движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект? (Кимберг, 2009). Такая постановка вопроса сегодня актуальна не только для психологии, но и для квантовой физики (Менский, 2011) и других наук.

В психологии многомерность мира проявляется в иссле-

дованиях сознания, при выявлении методологических оснований нашей науки и, конечно же, в психологии понимания. В монографии структура многомерного мира человека описывается под углом зрения понимания субъектом отличительных признаков реальностей, в которых живет человек. Описание завершается построением психологической модели понимания мира человека. В модели с тремя типами реальности – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной – соотносятся традиции психологических исследований, основания понимания, а также его способы, формы и типы.

В рамках целостного модельного представления психологии понимания мира человека стало возможным сформулировать и исследовать проблему экзистенциального опыта и его роли в понимании экзистенциальной реальности. В книге проанализирована его трехкомпонентная структура, метасистемная организация и такие составляющие экзистенциального опыта, как переживание, когнитивное и аффективное бессознательное, свое и чужое в опыте понимающего субъекта.

Таким образом, обобщенные научные представления о понимании субъектом мира описаны в модели. Необходимо подчеркнуть, что модель понимания является принципиально новой, ее аналогов нет ни в психологической, ни в других науках. Вместе с тем вопрос о правомерности отраженного в ней дизъюнктивного разделения мира человека на три реальности у многих исследователей вызывает вполне обос-

нованные сомнения. Положительной стороной определения отличительных признаков реальностей является его классификационная ясность и абстрактно-аналитическая научная полезность. Однако необходим еще и развернутый психологический анализ субъектных оснований того, почему люди, исходя из своих знаний, индивидуальных точек зрения, личностных качеств, бессознательных установок и т. п., понимают реальности именно как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. В этой связи в монографии излагаются основные положения нового субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира.

Таков краткий перечень проблем, обсуждаемых в книге. Она является итогом 30-летних исследований в области психологии понимания (первая статья в журнале «Вопросы психологии» была опубликована в 1984 г., последняя – в 2014 г.) и 15-летних работ в области психологии человеческого бытия (первая статья вышла в «Психологическом журнале» в 2000 г., последняя – в 2013 г.). Разумеется, итог предварительный: надеюсь, что описанная психологическая модель понимания мира человека будет расширена и дополнена результатами будущих исследований. Структура монографии такова, что читатели, интересующиеся главным образом проблемами методологии современного социогуманитарного познания и психологии человеческого бытия, могут ограничиться прочтением первых двух глав. А тем, кого ин-

тересует преимущественно психология понимания, целесообразно сфокусировать внимание на двух заключительных разделах.

И последнее. Я сразу хочу развеять иллюзии читателя, который надеется получить практические советы о том, как нужно понимать конкретные ситуации человеческого бытия для того, чтобы вести себя в мире человека оптимальным образом. Мой интерес к поставленным в книге вопросам чисто академический и потому мне близка точка зрения А. Шюца: «Научное теоретизирование... не служит никакой практической цели. Его предназначение состоит не в том, чтобы подчинять себе мир, а в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать его» (Шюц, 2003, с. 27). Впрочем, есть вероятность, что наиболее проницательные читатели смогут сделать практические выводы из написанного. Такое умозаключение является отчасти обоснованным уже сегодня: в докторской диссертации Т. В. Борзовой основные идеи этой книги воплощены в практику обучения пониманию студентов вузов (Борзова, 2016).

В монографии представлены результаты исследований, некоторые из них были поддержаны грантами РГНФ (№ 10–06–00073 «Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортaв как проблема психологии человеческого бытия», № 13–06–00087 «Понимание, знание и опыт») и РФФИ (№ 11–06–00018 «Осознание и понимание россия-

нами террористической угрозы»).

Глава I. Мир человека и человеческое бытие

1.1. Бытие и мир

Сущность человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту анализа этого понятия. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода – до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней.

Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как

„мир“, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в психологический анализ соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. В самом общем виде «мир» – это понятие, «обозначающее совокупное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010, с. 69). «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понято только сквозь призму высшего продукта развития бытия – человеческого бытия. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность,

мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных среди них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновской категории мира как совокупности вещей и явлений, соотнесенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, это сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей,

СМЫСЛОВ.

Человеческое бытие осуществляется в многомерном мире, в котором есть разные уровни действительности, соотношенные со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Например, он писал: «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все нижележащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21).

Сегодня человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах, продуктивно исследуются в психологии человеческого бытия. Способ существования является атрибутом, т. е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия – качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г. Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия – предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой нахо-

дится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить свое отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерна психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня. Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидного уровня. Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным модусом экстремальные условия воспринимаются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой конкретикой пространственной и временной ситуации. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает состояние потери, утраты,

отсутствия целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006).

Итак, *первая* особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое. Человеческое бытие представляет собой совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей. Например, С. Л. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Наличие принципиально разных типов реальности и объективных ситуаций человеческого бытия порождает у ученых вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных обыденных обстоятельств жизни, сколько стремления к достижению правды, попыток найти действительность более высокого порядка – высшую духовную правду. Например,

Л. Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» писал о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой, 1936, с. 307–308).

Третья характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку, как существу рефлексивному, присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъективность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реальности в составе внутреннего бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Наиболее значимой для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена является проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти было проведено Л. Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека преобразования среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется как аспект субъектности, как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты – с реалистичностью, конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображе-

нии смысла жизни соответствуют маскулинным чертам и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смерти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая – оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности тела или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция – экзистенциальный взгляд, т. е. радость принятия жизни со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

Возвращаясь от эмпирического анализа к теоретическому, надо сказать, что современное постнеклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений – это не осознание их, а преобразование. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы

познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклас- сическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексию над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В. А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

Интересную линию исследования соотношения рационального и нерационального в рассуждениях человека о жизни предлагал В. Н. Дружинин. Эта линия состоит в не столько в «вертикальной» плоскости анализа (сознание – бессознательное), сколько в «горизонтальной» – отношения субъекта с миром. Например, один жизненный сценарий («жизнь по правилам») заключается в рефлексии тех преимуществ, экономии напрасных усилий и негативных эмоций, которые возникают в результате создания и принятия определенных правил поведения, от которых человек старается не отклоняться. Другой, в значительной степени противоречащий первому («жизнь начинается завтра»), строится на субъективной модели мира. Согласно ей, несовершенная здесь и сейчас жизнь рассматривается только как подготовка к «настоящей» жизни, в которой будет много хорошего. Выделен-

ный В. Н. Дружининим почти десяток сценариев представляет собой не только продуктивную попытку научного анализа соотношения внешних и внутренних детерминант формирования возможных линий жизни человека. В сущности, в них выражаются неодинаковые типы рациональных рассуждений (Дружинин, 2000).

Итак, в современной психологии категория «человеческое бытие» неразрывно связано с понятием «мир человека». Исследования этих проблем уже находятся в фокусе внимания психологов. У меня нет сомнения в том, что вследствие актуальности этих проблем интерес к ним в ближайшие годы станет расти. И перспективные направления их исследования просматриваются уже сегодня. Одно из них – постановка вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта (Кимберг, 2009). Учитывая множественность и неоднородность онтологии бытия, существование разных реальностей, вполне логичным становится предположение о том, что в них могут реализоваться неодинаковые закономерности организации мира человека. «В связи с тем, что мы рассматриваем мир и человека только совместно, этот вопрос начинает звучать так: имеет ли место один мир человека и один его субъект, или же жизнь человека может быть описана как его движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект?» (там же, с. 28). Субъектный или жизненный мир человека – это не просто ментальная репрезентация, а такая модель реально-

сти, которая является регулятором психической активности и инструментом организации жизни. Модель определяет *видение* субъектом своей жизни и места в мире. Из модели логично вытекает идея множественности идентичностей человека. Она находит конкретное воплощение в том, что в разных условиях жизни человек актуализирует неодинаковые конфигурации личностных черт, ролей, умений и мотивов.

Обсуждая проблемы понимания мира человека, психологу невозможно игнорировать еще одно понятие – «внутренний мир». Далее я неоднократно буду его упоминать, имея в виду значение, которое придавал ему Б. Г. Ананьев. Внутренний мир выражает индивидуальность человека, он включает самосознание, индивидуальную систему ценностных ориентаций, субъективно организованные образы и понятия. В течение жизни внутренний мир развивается: происходит переработка опыта, человек вырабатывает собственные позиции, убеждения, пути самоопределения и саморазвития (Ананьев, 1968). Разумеется, я буду учитывать и более современные контексты использования этой категории в психологической науке: понимание внутреннего мира как целостного, автономного и вместе с тем неразрывно связанного с внешними по отношению к человеку сторонами многомерного мира (Климонтова, 2011).

1.2. Определение «понимания мира человека»

Категория «понимание» относится в современной науке к одной из самых универсальных и вместе с тем многозначных. В психологической англо- и немецкоязычной научной литературе представлены по меньшей мере семь контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и экспериментально-психологический (Знаков, 1994). В соответствии с этими контекстами можно выделить и семь научных направлений изучения понимания. Поскольку все они представляют собой подходы к анализу одной и той же проблемы, то естественно, что любой из них не может развиваться обособленно от остальных. Тем не менее, как показывает рассмотрение конкретных исследований, каждый из подходов характеризуется наиболее пристальным вниманием авторов исследований лишь к одному из аспектов понимания при относительном игнорировании остальных. Соответственно определения понимания настолько отличаются друг от друга, что можно подумать, что ученые обсуждают разные феномены. Например, лингвистический подход к проблеме состоит в стремлении исследователей найти истоки понимания в преобразованиях структур языка. Ученые, находящиеся под влиянием

идей трансформационной грамматики Н. Хомского, полагают, что семантическая репрезентация предложения эквивалентна или, по крайней мере, тесно связана с лингвистическими глубокими структурами. Для психолингвистов понимание – это результат трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций. Субъект поймет сложноподчиненное или сложносочиненное предложение, если сумеет разбить его на части, из которых оно состоит. В отличие от этого в логическом подходе понимание рассматривается как способность к умозаключениям. Пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. Понимание выражения заключается в таком его переводе из одной знаковой системы в другую (состоящую из более обобщенных знаний), в результате которого устанавливается связь данного высказывания с элементами новой системы (в которую интересующее субъекта знание входит как частный случай). Установление этой связи и означает понимание высказанного предложения.

Очевидно, что определения понимания в двух подходах радикально отличаются как друг от друга, так и от дефиниций психологов, ориентированных на другие парадигмы.

За последние тридцать лет на доступных мне языках (русском, английском и немецком) я прочитал около трех тысяч публикаций по данной проблеме, в которых встретил не

менее двухсот определений понимания. И сейчас возникает вопрос: надо ли стремиться придумывать двести первое «абсолютно точное и универсальное» определение? Ненужность и даже бессмысленность такого рода умственных усилий обусловлена, как минимум, двумя причинами: неодинаковостью психологических механизмов понимания субъектом событий, явлений, фактов в разных реальностях человеческого бытия (об этом я еще неоднократно буду писать на страницах этой книги) и изменением методологии социогуманитарного познания. Первая, конкретно-психологическая, причина указывает на то, что универсального определения понимания быть не может. Вторая – методологическая – причина напоминает ученым о том, что любое определение предмета научного исследования задает его жесткие и потому ограничительные рамки. Неудивительно, что К. Поппер говорил: «Нам не нужна определенность» (Поппер, 1992, с. 322).

Одной из ключевых характеристик современной науки является широкое распространение постнеклассического типа научной рациональности (Степин, 2000). Такая рациональность основана на научных представлениях не только о неизбежности включенности в объективное знание процессов и результатов субъективной деятельности ученых, но и о множественности вариантов интерпретации, неоднозначности понимания познаваемого мира. Понимание – это такой психологический феномен, который только в тех редких

случаях, когда оно основано на значениях и знаниях, можно описывать в однозначных категориях «истинное – ложное». При опоре на мнения и смыслы или переживания и опыт понимание можно характеризовать с позиций либо «правильности – неправильности», либо «правдивости – лживости». И в том, и другом случае понимание оказывается принципиально неоднозначным. Именно поэтому я уже давно прекратил попытки дать «единственно верное» определение обсуждаемого психологического феномена. Более разумным, необходимым и достаточным мне представляется описание сути понимания посредством экспликации его главных категориальных признаков: выход за непосредственные границы содержания понимаемого и соотнесение предмета понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта о должном. Кроме того, нужно проанализировать основные условия реализации понимания – мнемическое, целевое, эмпатическое, ценностно-нормативное (Знаков, 1994).

Такой подход соответствует постнеклассическим представлениям об относительности (и в предельном случае – даже необязательности) любых определений. Современная наука, в том числе та, в фундаментальности которой никто не сомневается, изобилует примерами интенциональных определений, явно не отличающихся ясностью и однозначностью. Примером может служить определение такого фундаментального понятия, как энергия. В словаре С. И. Оже-

гова она определяется как «одно из основных свойств материи – мера ее движения, а также способность производить работу» (Ожегов, 1988, с. 742). Хотя определение энергии имеет функциональный описательный характер, энергетика интенсивно развивается и играет огромную роль в поступательном развитии человечества.

В соответствии с представленной выше логикой я изложу понимание мира человека посредством выявления условий его реализации в разных ситуациях человеческого бытия и описания наиболее значимых категориальных признаков. Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (брата, что такое ускорение, логарифм и т. п.) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. И это относится ко всем реальностям – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Например, телезрителям было понятно, почему люди разбегаются в разные стороны, когда они увидели телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универмагов в Хабаровске. Понятно, потому что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия фильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о

силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?» – а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи.

Таким образом, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих – событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в книге.

1.3. Три реальности мира человека

Мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотнесена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Современные ученые убеждены в многомерности и многослойности мира человека. В. А. Лекторский пишет, что «тот мир, в котором живет человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, что это несколько миров: обычный „жизненный мир“, мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием» (Лекторский, 2012, с. 7–8). В. С. Мухина считает, что изучать психологию личности необходимо на пересечении пяти реальностей, определяемых развитием исторически обусловленного существования человека. Она классифицирует их следующим образом: «1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – природная реальность; 4 – реальность социально-нормативного пространства; 5 – реальность внутреннего пространства личности» (Мухина, 2014, с. 48).

В психологических исследованиях многомерность мира

проявляется даже тогда, когда мы изучаем конкретные феномены, такие, как сознание. На это указывает Е. В. Субботский: «Итак, реальность сознания не гомогенна: она состоит из нескольких типов реальностей, и в каждом из них – свой тип причинности, пространства и времени... И в каждом типе реальности мы встречаем разные виды объекта, пространства и времени, и каждый раз – иные понятия о том, что реально, а что – иллюзия» (Субботский, 2007, с. 4–5). Сторонник психосемантического конструктивизма В. Ф. Петренко также изучает сознание как многомерное (Петренко, 2010). Обсуждая проблемы психологии восприятия, А. Н. Леонтьев говорил о построении в сознании человека многомерного образа мира, образа реальности. Он придерживался материалистических взглядов и вместе с тем развивал идеи, которые очень близки современной конструктивистской психологии. Субъект, конечно же, строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для образа. «Процесс восприятия и есть процесс, средство этого „вычерпывания“, причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса» (Леонтьев, 1983, с. 255). В. Е. Ключко, анализирует онтогенетическое становление многомерного мира. Он отмечает, что в нем «сливаются субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состо-

яввшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей – бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот» (Клочко, 2005, с. 139).

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека несколько отличается от позиций названных психологов. Она формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного; форм понимания – понимания-узнавания, понимания-прогнозирования, понимания-объединения – и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на его понимании, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью мира я имею в виду то, что факты, события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на достоверных знаниях,

в других – на интерпретациях, проявляющихся в мнениях разных людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых. Тем не менее у понимания как общепсихологического феномена во всех трех реальностях есть два системообразующих признака. Первая психологическая особенность понимания заключается в том, что мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого (фактов, событий, ситуаций) и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. Второй отличительный признак понимания заключается в том, что для того, чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном – принимаемыми социальными, групповыми, моральными нормами поведения. Только наличие в психике понимающего субъекта обоих компонентов дает ему возможность порождать смысл понимаемого. Именно такого «определения» понимания я буду придерживаться в книге.

Эмпирическая реальность. В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм). Говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т. д. При этом субъект выступает как эмпирик,

подчиняется принуждению опыта (Анкерсмит, 2007). Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Иначе говоря, эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Или, как говорил К. Поппер, использовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше карася» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров».

В нашей жизни немало ситуаций взаимодействий людей с объективной и очевидной для всех реальностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами) могут быть только истинными или ложными. Например, если кто-то скажет, что расстояние от Саратова до Самары 5 тысяч км, то проверка ложности этого высказывания доступна каждому, кто знаком с системой измерения, в основании которой лежат метры и километры. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется эмпирически, путем

их сопоставления с объективной действительностью. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: расстояние в 5 тысяч км одинаково на всех шести континентах. Понимание истинности высказываний не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. Следует заметить, что только небольшая часть психологических исследований, преимущественно в рамках когнитивной традиции, направлена на изучение закономерностей формирования и развития психики в процессе взаимодействия человека с эмпирической реальностью. Большинство исследований (фрустрации, оптимизма, понимания и переживания террористической угрозы и др.) в основном связано с социальным миром.

В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения.

Хотя это может показаться странным любому здравомыс-

лящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. Он определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. М. Феррарис иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу простых школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления – прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

Фактически «новые реалисты», вводящие различие между онтологией и гносеологией, утверждают то, что психологам было известно из работ С. Л. Рубинштейна: объективная реальность включает в себя сознание познающего ее субъекта. Сегодня в физике эту идею развивает автор квантовой теории сознания М. Б. Менский (2011). В российской психологии наиболее значительный вклад в ее анализ внес В. Ф. Петренко (Петренко, 2010; Петренко, Супрун, 2013, 2014). Физики вслед за Н. Бором утверждают, что лишь способы познания, процедуры измерения дают возможность говорить о существовании реальности в форме элементарных частиц. Как писал Д. А. Уилер, «ни одно элементарное явление не является явлением реальным, пока оно не становится

явлением наблюдаемым» (цит. по: Петренко, Супрун, 2013, с. 68). Отсюда следует, что пока не выполнено наблюдение или измерение, объекты в микромире, например электроны, не существует вообще нигде. В рассуждениях В. Ф. Петренко содержится существенное уточнение: «Отметим, что более правильным было бы утверждение, что до наблюдения объект не присутствует в нашем сознании, – ведь физики настаивают на объективном существовании реальности именно за пределами сознания, а потому не следует смешивать реальность досознательную, и ее репрезентацию в сознании. Реальность настоящего и ее репрезентация в объектной пространственно-временной форме – это все же не одно и то же» (Петренко, Супрун, 2013, с. 68).

И физики, и психологи признают объективное существование действительности, но нельзя смешивать реальность и ее репрезентацию в сознании, т. е. онтологический и гносеологический аспекты исследования. Проблема осложняется тем, что для разных людей, воспринимающих внешний мир, качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присутствующих им свойств и характеристик. Например, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Так же «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представля-

ет собой его свободное падение» (Петренко, Супрун, 2014, с. 70).

И тем не менее для понимающего мир субъекта эмпирическая реальность отличается от социокультурной и экзистенциальной: события и ситуации в ней имеют бесцельный, ненаправленный, неодушевленный характер. Для их понимания люди используют «природную систему фреймов» (Гофман, 2003), т. е. рамок, в которых структурируется индивидуальный опыт. Фреймы не только структурируют опыт: согласно данным западной когнитивной психологии, они определяют понимание. Субъект понимает мир, сопоставляя входные сообщения с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами (Abelson, 1979; Kintch, van Dijk, 1978; Thorndyke, 1977). Кроме того, любое понимание всегда основано на самопонимании и рефлексии понимающего субъекта: «Поскольку фрейм включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность, всякий трезвый взгляд на события непременно должен содержать рефлексиию. Правильное понимание сцены предполагает понимание того, как понимается сцена (Гофман, 2003, с. 146–147).

В социогуманитарных науках наиболее обобщенное представление о фреймах как интерпретационных схемах понимания реальностей дано в книге И. Гофмана. Он пишет: «Основное различие между природной и социальной системами фреймов заключается в роли, исполняемой, в частно-

сти, индивидами. Если речь идет о природном взгляде на реальность, индивиды, как и любые другие действующие лица, не обладают никаким особым статусом, они подчиняются детерминистскому способу существования, не зависящему от чьей бы то ни было воли и не имеющему никакого отношения к морали. Если же мир рассматривается через социальную систему фреймов, индивиды ведут себя иначе. Они определяются в терминах самодовлеющей активности (self-determined agencies), они знают, что можно делать, а что нельзя, и несут моральную ответственность за свое поведение» (Гофман, 2003, с. 254).

Таким образом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности только вследствие переживания, трансформации, конструирования новых знаний о мире и опыта субъекта. В науке новые знания представлены в теориях, концепциях: «Мы понимаем структуру реальности, только понимая объясняющие ее теории. А поскольку они объясняют больше, чем непосредственно осознаем, мы можем понимать больше того, в чем непосредственно отдаем себе отчет» (Дойч, 2015, с. 23).

Итак, эмпирическая реальность – это неодушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек. «Взаимодействие» не предполагает обязательного чувственного

восприятия, достаточного осмысления и понимания. Я не был в Антарктиде, но понимаю, что этот материк составляет часть природы планеты Земля. Я никогда не видел альпши-са, но знаю, что это часть рыцарских доспехов, западноевропейское холодное оружие (короткое копьё с дискообразным ограничителем).

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности! Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещиности (то, что в античной философии обозначалось как *res*); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004, с. 9).

«Социокультурный» – значит обусловленный социальны-

ми и культурными причинами. В отечественной психологии понятие «социокультурный» является важным элементом научного тезауруса ведущих российских психологов (Асмолов, 2012; Крюкова, Гущина, 2015; Соколова, 2015). Социокультурный подход отличен и от социального, и от культурного. Для психологов после Л. С. Выготского понятие «социокультурный» звучит как привычное и до банальности знакомое. Однако оказывается, в социогуманитарных науках, прежде всего в социологии и культурологии, социокультурный подход начал формироваться только в XXI в. В современной психологии развитие социокультурного подхода в значительной степени стимулируется формированием представлений о сетевой парадигме (Зеленкова, 2007) и сетевом принципе организации знаний (Гусельцева, 2015). В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы – коммуникационный, организационно-структурный, матрично-программный и др. Главная причина трансформаций – закрепление в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности, по А. В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. «В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое – атомарно-дискрет-

ное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение – все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность (Закс, 2015, с. 89).

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, В. А. Петровский характеризует обыденное сознание как когнитивный хаос – множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и непротиворечиво уживающихся друг с другом (Петровский, 2010, с. 182). В психологических исследованиях самопонимания обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной – они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего – неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например: «Я – это... совокупность противоречий: я – плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же время. Наверно, нет

таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» (Cook-Greuter, 1994, p. 131). Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт, по сути, может существовать как продолжение другого. Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направлении психологических исследований – аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта (подробнее см. раздел 3.2). Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля мышления (Nisbett et al., 2001).

Согласно социокультурному подходу, в социогуманитарных науках социальный анализ направлен на интерпретацию соотношения индивидуального и социального субъектов, т. е. людей и тех общностей, социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, в психологии социального познания познающим субъектом является группа (Андреева, 2013). Иные акценты расставляются в культурологических описаниях мира человека. Согласно энциклопедии

культурологии «социокультурная система» – это «термин, используемый в социальной антропологии и культурологии в качестве альтернативы терминам „социальная система“ и „культурная система“» (Николаев, 1998, с. 224). По существу, в названном понятии отражено неразрывное единство социальных и культурных сторон единой социокультурной реальности. При этом общество воплощает в себе единство социальности и культуры. Культура, согласно Н. И. Лапину, представляет собой совокупность способов и материальных, и духовных результатов деятельности человека. Культура для людей служит *программой* деятельности. Социальность – это совокупность *отношений* каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами. Отношения (экономические, политические, социальные, психологические) тоже формируются в деятельности. «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческого бытия». Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия» (Лапин, 2000, с. 4).

В социокультурной реальности так же, как в эмпириче-

ской, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец А. В. Суворов умер 18 мая 1800 г.»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В. М. Аллахвердов в 2012 г. в телепрограмме „Культурная революция“ утверждал, что юнговского коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с...) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т. п. С этой позиции «социальный объект – это результат социального акта (в который вовлечены по крайней мере два человека или специально предназначенная машина и человек); он характеризуется тем, что зарегистрирован на бумаге, в компьютерном файле или даже просто в голове участвующих в этом акте людей. Будучи однажды зарегистрированным, социальный объект, зависимый от разумов в отношении своего происхождения, становится независимым в отношении своего существова-

ния...» (Феррарис, 2014). Социокультурные факты зависели от способов их познания тогда, когда люди впервые их получали и осмысливали. Однако после фиксации на каком-либо носителе они стали такими же объективными, как природные объекты: независимыми от специфики их понимания индивидуальными и коллективными субъектами.

В психологии сущность социокультурного подхода определяется стремлением исследователей рассматривать мир человека как такое единство культуры и социальности, которое возникает и преобразуется в результате человеческой деятельности. В отличие от социологов, культурологов и других ученых для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достовер-

ных знаниях, а на *мнениях* людей и порождаемых ими *смыслах* событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их понимания является «социальная система фреймов» (Гофман, 2003). Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т. е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимание социальных фактов.

Социокультурная реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». Так же как эмпирическая реальность, социокультурная не существует отдельно от людей. Социокультурную реальность невозможно построить и опи-

сать без языка и понимания, потому что она порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания (Степин, 2000) одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий. Во-вторых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов.

Из плюрализма мнений, множественности интерпретаций следует, например, нередкое и даже закономерное расхождение реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда уже проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной эконо-

мической теории товар – это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой – цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена – это превращенная форма стоимости, а деньги – особый товар...» (Кошовец и др., 2015, с. 170).

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом деле события или несуществующие явления понимаются людьми как действительные. Достаточно упомянуть мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживающим Бейкер стрит, даже были вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет, приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

В современном научном дискурсе соотношение «обыденной» и «необыденной» реальностей (Субботский, 2007) актуально, прежде всего, в контексте развития виртуалистики – продукта компьютерных и психологических технологий. Используя интернет, «присутствуя в настоящем месте и времени, мы пребываем в разных реальностях, в том числе одновременно, а также достаточно легко осуществляем пе-

реходы из одной доступной реальности в другую. Ненастоящее в определенном смысле не менее реально (реалистично), нежели настоящее, оно предлагает эвристичные и способствующие развитию познания направления интеллектуального поиска. Технический прогресс обогащает известные представления не только о виртуальности, но и о многоуровневой структуре реальности. Структура реальности во многом соответствует структуре сознания, а расширение знаний о структуре реальности способствует расширению структуры сознания» (Войскунский, 2012, с. 176).

В XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности.

Можно выделить *три* магистральных направления изменений.

Первое направление реализуется в переосмыслении роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды. Второе направление изменения представлений – замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой. Третье направление – возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе (Петрова, 2013).

Первое, «символическое», направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности ясно представлено в трудах М. Кастельса о влия-

янии информационной эпохи на экономику, общество и культуру. Он пишет: «Таким образом, реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной – она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения. Именно эта способность всех форм языка кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретаций и отличает культурные выражения от формального/логического/математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать друг с другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных. Так, когда критики электронных СМИ утверждают, что новая символическая среда не отражает реальность, они подсознательно ссылаются на примитивное до абсурда понятие „некодированного“ реального опыта, который никогда не существовал. Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» (Кастельс, 2000, с. 351).

Психологические исследования символов обнаруживают

многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через разворачивание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не

только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это – со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу „со-“ превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Второе направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека. Новые возможности определения человека, пересмотра взглядов на его социальную природу не допускают жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность

предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности.

Один признак сетевой структуры заключается в перемещении фокуса внимания ученых-гуманитариев с самостоятельных определяемых в исследовании объектов (партия, здоровье, образование и т. п.) на соотношения между ними: «Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как динамической системы с высокой степенью нестабильности» (Зеленкова, 2007, с. 23).

Другой признак сетевой структуры мира человека – не подчинение, а равнозначное взаимодействие множества ее компонентов. Это означает равноправное существование множества виртуальных, коллективных, личных пространств и времен в социокультурной реальности. В психологии это относится к равноправному существованию множества подходов, на основании которых мы получаем знание о психической организации человека. Появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека привели к пе-

решению взглядов на его социальную природу, не допускающую жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности. Согласно ситуативно-сетевому подходу, знание организуется во взаимосвязанную сеть понятий и моделей, в которой отсутствует какой-то ведущий системообразующий признак (Гусельцева, 2015). В ситуативно-сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом, что в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности. Любая методология, психологическая школа, подход могут стать ведущими в зависимости от контекста и задачи исследования. Но тогда во весь рост встает проблема релятивизма. В современных социогуманитарных науках непротиворечиво совместно существуют три релятивистских версии обоснования закономерной множественности мира человека. *Эпистемологический* релятивизм основан на убеждении, что знание в одной культуре так же хорошо, как зна-

ние в другой. Вследствие этого нет серьезных оснований считать, что один подход сколько-нибудь лучше другого. Согласно *этическому* релятивизму, разные этические системы ситуативно обусловлены и локальны: нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты лучше ваших. Наконец, *политический* релятивизм: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим (Ло, 2015, с. 134).

Для психолога проблема релятивизма может быть переформулирована так: а каковы критерии предпочтения в определенный момент того или иного подхода, этой, а не той системы знаний? Ответ на этот вопрос необходим для осуществления психологического анализа телеологически направленного поведения людей, как, например, в нарративном подходе или исследованиях целеобразования в школе О. К. Тихомирова.

Вопрос о релятивности или, наоборот, критериях предпочтения определенной системы знаний особенно актуален для психологов-конструктивистов. Во многих научных дискуссиях их упрекают именно в релятивизме: они якобы не хотят описывать онтологию реального мира, подменяя ее «вымыслами», ментальными понятийными конструктами. Попытку ответить на указанный вопрос предпринял Дж. Д. Раскин (Raskin, 2001).

Основная идея релятивизма заключается в том, что все наши суждения, представления и понятия о чем бы то ни

было верны лишь относительно нашей цивилизации, культуры, уровня развития и вообще формы социальной жизни. Конструктивизм основан на утверждении, что люди «конструируют» реальность под себя, на основе индивидуально-го опыта и личностных смыслов. Неудивительно, что многие видят здесь прямые отсылки к релятивистскому мировоззрению. Противоположный конструктивизму объективизм утверждает, что существует некая вневременная, внекультурная матрица, фрейм, к которой мы можем апеллировать, чтобы установить истинность чего-либо. Приверженцы объективизма и, в частности, большинство представителей эмпирической науки (к которой традиционно относят и психологию) считают, что конструктивистскому подходу не хватает связи с реальностью, с объективными критериями, и поэтому невозможно считать этот подход научным. Они спрашивают: «Если для любой вещи или события существует бесконечное число вариантов описания, конструирования, то как можно знать, чья версия реальности более точна?». «Спасительной» с точки зрения противостояния обвинением в релятивизме идеей является суждение, согласно которому мы не столько конструируем реальность, сколько изменяем наши представления о ней. Эта современная идея явно перекликается с тем, что в конце прошлого века говорил А. Н. Леонтьев: познающий субъект строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для построения образа из реально существующей онтологической

действительности (Леонтьев, 1983).

Для Дж. Д. Раскина и его единомышленников после 11 сентября 2001 г. особенно актуальной стала проблема морального релятивизма: если допустимы разные типы морали, то конструктивисты не способны осудить теракт 11 сентября? если истина относительна и любое моральное суждение допустимо, пока кто-нибудь считает его верным, то конструктивисты действительно не могут одобрить одну версию правды? следовательно, конструктивисты не могут сказать, что действия террористов являются злом. Критики считают, что конструктивисты сами загнали себя в угол, поскольку они не могут осудить какое-либо мнение и обязаны допускать все точки зрения. Все положения эквивалентны, и основание для морального действия разрушено. Однако ответ на обвинение в моральном релятивизме также содержится в потенциальной множественности вариантов поведения. Конструктивисты никогда не говорили, что люди должны принимать плохое к себе обращение, несправедливость или террор. Они только утверждали, что важно понять, что существуют разные виды реакций, деятельности. Вследствие этого если люди подвергаются нападению из-за верований или по другой причине, то, как полагают конструктивисты, можно по-разному отвечать на это. Если человек ценит мирное сосуществование, то он может защищать свою веру. Если кто-то вредит человеку потому, что не соглашается с его верованиями, можно защищаться. Если субъект считает, что

внешняя действительность не может полностью оправдывать какие-либо действия, то разрешается и собственная защита. Способности убеждать кого-либо идеями оказывают больше влияния на человеческую жизнь, чем грубые факты: иногда необходимы утверждения в пользу конструктов, которые все принимают. Этика конструктивизма предполагает, что люди терпимы к альтернативным конструкциям, но когда присутствует угроза, можно сделать выбор из множества возможных видов действий. Иногда эти виды действий могут быть дипломатическими и сдержанными, но в особых случаях – нет (Raskin, 2002).

Психологический анализ проблем многообразия реальностей и суждений о них способствует переходу от методологического анализа к более конкретному психологическому изучению человека. В психологии множественность описаний обнаруживается в самых различных исследовательских областях. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении (Фриндте, Келер, 2000), множественной личностной и этнической идентичности (Тучина, 2013), множественном характере онтологии человеческой жизни (Кимберг, 2009) и т. д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример: «Я просто не выношу людей, которые...

Что значит „не выношу“?! Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверены в себе, умны и т. д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» (Cook-Greuter, 1994, p. 129).

Третий признак сетевой структуры – такое новое понимание мира человека, фундаментом которого оказывается знание как взаимосвязанная сеть понятий и моделей. В психологии такое понимание воплощается в сетевом принципе организации знаний, точнее, в ситуативно-сетевом анализе (Гусельцева, 2015). Вот как он описывается: «Сетевой подход характеризуется подвижностью, асимметричностью и ситуативностью анализа: в зависимости от исследовательской задачи и выбранного ракурса (методологических предпосылок, исследовательских установок, настройки методологической оптики) по ходу исследования здесь может изменяться системообразующее основание (как таковое оно отсутствует); исследование скользит в неизвестность, подстраиваясь под изменяющуюся реальность» (там же, с. 169). Следовательно, в сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом: в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности.

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на ре-

ализацию сетевого принципа организации является анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего интересубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различается. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т. е. разделяют – возможно в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообща, что предполагает постоянный обмен ин-

формацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

В западной психологии изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekle, 2011), здравоохранению (Kessel et al., 2011), службам занятости (Kohansal et al., 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности, накопленные опыт и знания могут быть созданы надолго и иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эф-

фекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Другое направление исследований – психологический анализ свойств личности и проявлений активности пользователей социальных сетей Интернета. Интернет является очень значимой составляющей социокультурной реальности. Неудивительно, что в нашей науке заметное место занимают психологические исследования виртуальной реальности (Асмолов, Асмолов, 2009; Войскунский, 2010, 2014; Селиванов, Селиванова, 2015; Солдатова, Рассказова, 2013). Сетевая природа Интернета, множественность виртуальных пространств, в которых реализуют себя пользователи социальных сетей (Рябикина, Богомолова, 2015) для психологов являются стимулами конкретно-содержательного наполнения сетевого принципа организации знаний. Например, в одном из недавних исследований показано, что пользователи, проявляющие высокую активность в социальных сетях, характеризуются высокой общительностью, но они безынициативны в межличностных отношениях, ожидают большей инициативы и эмоциональной вовлеченности со стороны партнеров. Им присущи стремление понравиться и отслеживание производимого впечатления. У них выражены тревожность, сниженный самоконтроль при высоком уровне самоактуализации и склонности к экспериментированию (Бого-

молова, 2015). Такого рода данные, как правило, сами по себе обладают признаками сетевой структуры: каждый результат имеет собственное уникальное значение, и нельзя сказать, что один из них более значим, чем другой. При их интерпретации под разными углами зрения они раскрывают различные стороны психологического портрета пользователя.

Наконец, в этом контексте нельзя не упомянуть об использовании психологами сетевого анализа. Он дает возможность ученым изучать один и тот же социальный объект под неодинаковыми углами зрения, селективно подключать или отключать разные компоненты при изменении фокуса исследовательского внимания и значимости отдельных элементов сетевой структуры. Примером может служить осуществленный Дж. П. Резером и С. Мансером сетевой анализ осмысления американцами событий 11 сентября 2001 г. (Reser, Muncer, 2004). Они построили схематическую сеть в виде матрицы, в которой отражены следствия (теракт, ослабление роли США в мировом сообществе и др.) и причины, которыми многие испытуемые объясняют произошедшее (развитие конфликта на Ближнем Востоке, американская внешняя политика, расовые и национальные предубеждения, личностные особенности террористов и т. п.). Техника анализа учитывала сложные цепи рассуждений, в которых предшествующие эффекты формировали причины последующих. Из матрицы ответов видно: испытуемые полага-

ют, что предыдущие исторические и культурные различия привели к предубеждениям и расистскому мировоззрению, которое направляло поступки людей, ставших зачинщиками событий 11 сентября. Авторы называют эти дистантные причины с индивидуальными агентами и человеческими эмоциями прямыми ближайшими. В матрице представлены сильно выраженные связи между степенью авторитарности личности и верой в справедливый мир: люди с высоким авторитаризмом чувствуют себя намного более безопасно в угрожающих ситуациях, если они верят в справедливый мир (там же).

Третье направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – новые акценты в анализе самопознания, самопонимания и заботы о себе. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами

формирования субъектности. Родоначалником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих существенных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время эти идеи находят воплощение, в частности, в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Современная педагогика характеризуется направленностью не только на получение знаний, но и на раскрытие обучаемым своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоение форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. «Обучение во многом представляет собой поиск своего „Я“, своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самотождественность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования» (Корбут, 2004, с. 129).

В современной психологической науке одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во всенарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. В научных публикациях на русском языке это отражено в большом массиве работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само-»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке, пожалуй, наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в трех направлениях: Psychological mindedness, Self-Construal и Self-understanding. В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Название первого направления – Psychological mindedness (Beitel et al., 2005) – трудно перевести на русский язык. В самом общем виде это «психологизация». Этой категорией обозначается интерес человека к своим чувствам, готовность понять себя, свои мысли и мотивы поведения. Вместе с тем в ней отражен аналогичный интерес к «модели психического» (Сергиенко, 2014) других людей, стремление к обсуждению своих и чужих психологических проблем.

Self-Construal (Grace, Cramer, 2003). Как показали непро-

стые лингвистические изыскания наиболее точным и адекватным предмету психологических исследований переводом этого понятия является «самоистолкование», «самоинтерпретация». Динамическая самоинтерпретация субъекта осуществляется на основе совокупности мыслей, чувств и действий, формирующихся и развивающихся у него во взаимоотношении с другими людьми. Западные психологи (DeCicco, Stroink, 2007; Singelis, 1994) теоретически и эмпирически выделили три типа самоинтерпретации. Взаимонезависимая самоинтерпретация реализуется в таком способе понимания себя, который проявляется в мыслях о своей уникальности, осознании личностью себя как целостного и стабильного Я, отделенного от социального контекста. Взаимозависимая самоинтерпретация – этот способ самопонимания выражается в конструировании субъектом представления о себе как члене определенной социальной общности, идентификации себя с группой, понимании себя через соответствие нормам и ценностям группы. Металичность самоинтерпретации изначально направлена на более широкий контекст психологического анализа, чем только внутриличностный и межличностный. Металичность самоинтерпретации – это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, челове-

чества и даже космоса.

Self-understanding. Самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий. В социогуманитарных науках сегодня все большее распространение получает точка зрения, согласно которой самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир. Понимая что-то, человек понимает самого себя. Только на основе понимания себя он способен понять что-то другое. По мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005).

Указанные направления психологических исследований являются продуктивными и научно значимыми. Однако с сожалением приходится констатировать, что за редким исключением (Cook-Greuter, 1994) они проводятся в рамках телеологического подхода. Между тем более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невоз-

можно категорично, а не размыто определить себя. «Научиться жить в „хаосе“ как „порядке“ – это и означает проявлять постоянную „заботу о себе“, самостоятельно себя искать – искать свой собственный стержень. В условиях снятия внешней власти образование человека осуществляется в отношениях власти над собой, власти как „заботы о себе“, как созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. „Создай самого себя“ – так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа „Познай самого себя“» (Петрова, 2013, с. 133). Психологической иллюстрацией сказанного могут служить высказывания двух испытуемых: «Образование... – в данный момент означает для меня развернутый процесс конструирования знания о мире»; «Образование... – все люди понимают его по-разному. Для меня это бесконечный, непрекращающийся процесс пересмотра своих представлений о мире» (Cook-Greuter, 1994, p. 129). Заботу о себе ни в коем случае нельзя отождествлять с эгоистическим самолюбованием, откровенно эгоцентрической направленностью субъекта. Заботясь о себе, человек также постоянно переосмысливает действительность, включающую других людей, живущих в мире человека. О психологических аспектах феномена «заботы о себе» и его связи с конструированием субъектности речь идет в разделе 2.1.2.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет яв-

ных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). На это обращает внимание Т. А. Кузьмина, которая пишет о том, что «в человеческом бытии имеются и сосуществуют, по крайней мере, две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая „не от мира сего“, живущая по другим законам» (Кузьмина, 2014, с. 19). Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов.

Для экзистенциальной реальности человеческого бытия, повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. «Вместо повторяемости и всеобщности возникает представление об опыте как единственном в своем роде инсайте, который оставляет неповторимый отпечаток в жизни; необходимость заменяется спонтанностью и непредсказуемостью интуитивного переживания» (Горелов, Горелова, 2014, с. 147). Понимание направлено на постижение экзистенциального опыта переживания значимых для человека событий и ситуаций.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта.

екта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются *переживание* и *опыт*. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем основанного только на познавательном знании. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости абортов, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т. п.

Итак, мы живем в многомерном мире, состоящем, по крайней мере, из трех реальностей. В каждой из них психологи изучают понимание людьми фактов, событий, ситуаций с позиций различных традиций психологических исследований, в рамках которых понимающий субъект использует неодинаковые способы, основания и типы понимания. Нет сомнения в том, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем я ясно осознаю, что различие трех реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленивать, отделить одну от другой.

Трудности возникают, к примеру, при обосновании суждения о том, что метод интерпретации и герменевтический подход надо относить исключительно к социокультурной реальности, игнорируя реальность экзистенциальную. Понимание человеком экзистенциальных событий и ситуаций, разумеется, тоже основано на их интерпретации. Правда, в этой плоскости человеческого бытия интерпретация нередко труднее поддается рефлексивному осознанию и осмыслению. Однако трудность различения реальностей не означает,

что его нельзя и не нужно осуществлять. Напротив, на первых ступенях психологического анализа сложных проблем мира человека всегда необходима аналитическая ясность, хотя она и чревата упрощением предмета исследования. Это в полной мере касается соотношения реальностей, их понимания учеными, а также соотношения типов привлекаемых для этого знаний.

1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX – начале XXI вв., оказали существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: при нарративном подходе (Шмид, 2008), развитии тезаурусного принципа субъектной организация гуманитарного знания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008, 2013), в антропологической психологии (Залевский, Залевский, Кузьмина, 2009), при описании социальной психологии науки (Юревич, 2001), анализе методологических основ психологии (Корнилова, Смирнов, 2011). По моему мнению, новую методологию характеризуют несколько признаков: осознание учеными того, что мир человека состоит не из фактов, а из событий; переключение внимания многих исследователей со знания на опыт; понимание ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия. Новую методологию характеризует смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т. п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изме-

нений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа психики человека (Брушлинский, 2006). Например, А. В. Россохин пишет: «Чтобы личность была той же, она должна быть иной. Чтобы сознание было тем же, оно должно быть иным в каждое следующее мгновение еще не наступившего времени. Мы всегда пребываем в измененном состоянии сознания или, следуя предлагаемому мной понятию, – в интерсознании, но для того, чтобы при этом мы сохраняли свою идентичность, мы должны быть теми же. Этот динамический поиск и развитие идентичности в потоке интерсознания и есть жизнь личности в диалоге сознания и бессознательного» (Россохин, 2010, с. 82).

Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

Ключевым в этом контексте становится вопрос о том, как разные взаимодействующие с миром люди конституируют и проявляют свою субъектность, неизбежно сказывающуюся на процессах и результатах его понимания. *Другой* важный

вопрос состоит в экспликации общих для социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира.

Первый вопрос очень занимал М. Фуко (Фуко, 2014). Главным контекстом, в котором он его изучал, было соотношение человека и истины. Иначе говоря, он понимал его как вопрос о том, каков тот род деятельности, в котором субъект, высказывающий истинные суждения о мире, проявляет себя, представляется самому себе и признается другими говорящим правду. Его главная цель состояла не в том, чтобы проанализировать, какие дискурсивные формы высказываний признаются истинными. Анализ Фуко был направлен на то, как человек конституирует себя сам и признается другими в качестве субъекта, говорящего правду. Синтез заключался в объединении типов веридикции (проверки достоверности, соответствия действительности), техник управления человеческим поведением и практик преобразования себя. Этим трем элементам соответствуют знания, властные отношения как процедуры воздействия на человека и способы конституирования людьми своей субъектности через практики себя. «Проводя такое тройное теоретическое смещение – от темы знания к теме веридикции, от темы господства к теме правления, от темы индивида к теме практик себя, – как мне представляется, и можно изучать отношения между истиной, властью и субъектом, не сводя их друг к другу» (Фуко, 2014, с. 18).

Фуко считал, что начиная с греческой культуры, субъект,

говорящий правду, принимает четыре возможные формы: это или пророк, или специалист, или паресиаст, или мудрец. С точки зрения психологии понимания мира человека первая фигура – пророка – мне кажется наименее интересной и даже устаревшей. Пророк говорит не от себя, а от имени кого-то другого (божества, судьбы и т. п.). Пророчества «даны свыше»: они получены в результате откровения или под воздействием особого вдохновения. Пророк высказывается о том, что будет, а не о том, что есть. Его слова могут быть совершенно непонятными, загадочными, таинственными. Наконец пророчества обычно связываются теми, к кому они обращены, со сверхъестественными откровениями и способностями. Все это не предмет моего психологического анализа. Зато три других вида субъектных проявлений говорящих правду людей для меня чрезвычайно важны в силу их очевидной отнесенности к разным типам понимания проанализированных в разделе 1.3 реальностей человеческого бытия.

Начну со специалиста-наставника. Есть профессии (врач, музыкант, сапожник, столяр), в которых специалисты обладают знанием и сноровкой. Эти профессии требуют знаний, которые осуществляются на практике и для своего изучения требуют не только теоретической подготовки, но и упражнения (*askesis*). Профессионалы обладают этим знанием, применяют его и могут преподавать его другим, быть наставниками. Специалист обучает и способен преподавать. Он высказывает истинные суждения о своей профессиональной

области, он тот, кто обязан говорить правду (не может же преподаватель университета не учить студентов). Принцип обязанности говорить (кто обладает знанием *tekhnē*, кто получил его, должен его и передать) у наставника направлен на установление связи между собой и слушателями. В высказывании истины преемственность связана со знанием, его сохранением в соответствии с традицией. При этом преподаватель в отличие от паресиаста (см. ниже) ничем не рискует, не нужно никакого мужества, чтобы преподавать. Хороший наставник говорит правду о том, что он знает, так, что становится очевидной связь с целой традицией. «Да и сам он, этот человек *tekhnē*, ничему не смог бы научиться и не знал бы совсем ничего или слишком мало, не будь до него такого же профессионала (*tekhmites*), как он, который его учил, чьим учеником он был и кто был его наставником. И так же, как он, ничему не научился бы, если бы кто-нибудь не рассказал ему о том, что знали до него, чтобы его знание после него не умерло, ему нужно его передать» (Фуко, 2014, с. 34). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Этот «познавательное знание» (Фуко, 2007).

Следовательно, цель специалиста-наставника – самому получить достоверное знание о реальности, по возможности полно и точно передать его ученикам, указав при этом не

только на некое общее пространство знаний, но и на нормы и правила их использования. Другими словами, он обращается со знанием в соответствии с правилами, сходными с теми, которые мы используем при понимании эмпирической реальности.

Вторая субъектная форма высказывания истины воплощается в фигуре паресиаста. «Ничего не скрывать, говорить правдивые слова – значит практиковать *parresia*. Таким образом, *parresia* значит „говорить все“, но основываясь на истине: говорить всю правду, не утаивать ничего из правды, говорить правду без утайки, какова бы она ни была» (Фуко, 2014, с. 20). Именно таким человеком является паресиаст.

Психологи, особенно занимающиеся адаптацией западных психодиагностических методик, давно знают, что адаптация предполагает не буквальный перевод, например, с английского на русский, а учет культурного контекста. В русской культуре и, соответственно, в языке правдолюб – это «человек, любящий правду, истину, справедливость. Неустрашимый правдолюб» (Ожегов, Шведова, 2003, с. 84). Отсутствующее в русском языке слово «паресиаст» в нашей культуре воспринимается как экзотическое, непривычное. Поскольку одним из русских синонимов слова «неустрашимый» является «мужественный», то паресиаста я буду называть мужественным правдолюбом. Такого субъекта отличают от других людей по меньшей мере три характерные черты.

1. Высказывание правды для него – необходимость, внутренняя потребность в истинном, по его глубокому убеждению, описании действительности и тем самым утверждении себя. Он сознательно формирует и выражает свою субъектную сущность посредством правдивых высказываний. Иначе говоря, это осознанная позиция понимающего мир субъекта, «способ существования, отмеченный мужеством, образ действий» (Фуко, 2014, с. 24).

2. Высказывание правды (например, начальнику о категорическом неприятии его манеры поведения по отношению к подчиненным) нередко требует от человека твердости характера и мужества. Мужество предполагает осознание рисков негативных последствий своих поступков (в данном случае – правдивых высказываний) и готовность нести ответственность за них. Следовательно, «*parresia* можно охарактеризовать как мужество говорить правду, присущее тому, кто, несмотря ни на что, рискует сказать всю правду, а также мужество собеседника, готового принять обидную правду, которую он слышит» (Фуко, 2014, с. 22).

3. Если высказывание истины профессионалом объединяет и связывает, то правдолюб всегда рискует разрушить отношения, сложившиеся у него с тем, к кому он обращается. Он говорит правду не для того, чтобы утвердить позитивную связь общего знания, наследия, преемственности. Мужественный правдолюб «говорит, что есть, но сообразуясь с особенностями людей, ситуаций и обстоятельств. Его спе-

цифическая роль состоит не в том, чтобы говорить о бытии природы и вещей. В анализе *parresia* постоянно обнаруживается эта противоположность между бесполезным знанием, говорящим о бытии вещей и мира, и высказыванием истины паресиастом, которое всегда применяется, оказывается приковано к индивидам и ситуациям, сообщая им о том, что они представляют собой в действительности, говоря людям правду о них самих, скрывающуюся от их глаз, раскрывая их подлинное положение, их характер, изъяны, оценивая их поведение и вероятные последствия принятого ими решения. Паресиаст не открывает своему собеседнику, что есть. Он разоблачает его или помогает признаться в том, что он собой представляет» (там же, с. 28). Зная людей, нетрудно предсказать, что многим это не понравится, и в результате произойдет не объединение, а разрушение межличностных отношений.

Аналогия мужественного правдолюбца с субъектом, понимающим социокультурную реальность, для психолога очевидна. Во-первых, такое понимание строится не на достоверном «познавательном знании», а на мнении. Мнение основано на конкретной гипотезе, субъектной точке зрения на предмет обсуждения, тему разговора. Доказательство субъектом в диалоге своей правоты предполагает последовательность рассуждений, а также аргументированность при обосновании мнения. Вместе с тем всем нам известны случаи

дискуссий, чаще всего политических, в которых оппоненты, в отстаивании своей точки зрения могут доходить до крайних суждений, совершенно затеняющих возможную правоту собеседника. Во-вторых, в общении, особенно когда нужно сказать партнеру правду о его взглядах или поведении, которая явно может ему не понравиться, всегда существует риск разрушения отношений или даже применения административных санкций по отношению к говорящему. Понимание и правдолюбие связаны с осознанием возможных рисков в мышлении и общении. В психологии проблема риска при принятии решений (Корнилова, 1997), преобладания мотивов самопонимания или опасения негативной оценки со стороны партнеров по межличностному общению (Franzoi, Davis, Markwiese, 1990) давно находится в фокусе внимания исследователей.

Третья субъектная форма высказывания истины – мудрость. Мудрец не ссылается на безликую общую для всех традицию, а выражает свое мнение. В том, что он говорит, проявляется его способ быть мудрым, т. е. быть личностью, признаваемой мудрецом окружающими людьми. Мудрец говорит о том, что есть, т. е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. Большей частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не

обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация. Этим объясняется и то, что его ответы (это может роднить его с пророком, которого он зачастую имитирует и говорит подобно ему) могут быть совершенно загадочными и оставлять тех, к кому он обращается, в недоумении или в сомнении насчет того, что он имел в виду» (Фуко, 2014, с. 26–27). Непонимание окружающими некоторых высказываний мудреца обусловлено сложностью, неоднозначностью и невербализуемостью проблем, решение которых требует осторожного и мудрого подхода. Такие проблемы принципиально невербализуемы, потому что основаны на неосознаваемом экзистенциальном опыте субъекта. Ассоциации мудреца и его преимущественно тезаурусный способ понимания мира могут быть загадкой для других, неизвестны и темны даже ему самому. Для принятия мудрого решения экзистенциальные проблемы требуют от субъекта понимания, основанного на постижении.

Разумеется, мой обзор форм субъектности человека, говорящего правду, пока очень схематичен: его содержательное соотнесение с типами понимания реальности требует расширения и углубленного анализа. Однако на первом этапе исследования я вынужден этим ограничиться.

Второй важный вопрос состоит в выявлении общих для

социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира. При его анализе сравнение философских и психологических традиций трактовок обсуждаемого феномена обнаруживает хотя и не тождественность, но явное их сходство. Основания понимания проанализированы и в науке, и в философии. В частности, как отмечает А. П. Огурцов, в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279).

В психологии выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов исследований – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и традициям исследования психики субъекта – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. О типе понимания в психологическом исследовании можно судить по оценкам истинности, правильности или правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2014).

В последние десятилетия в науке три описанных традиции воплотились в развитие двух главных направлений исследований понимания – гносеологического и онтологического. Различение этих двух аспектов изучаемого предмета важно для многих наук. Например, социолог В. А. Ядов так пишет о фактах: «Факты можно рассматривать в онтологическом (не зависящем от сознания) и логико-гносеологическом планах. *В онтологическом смысле факты суть любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. В логико-гносеологическом плане фактами называют обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов реальной действительности в некотором строго определенном пространственно-временном интервале. Это элементарные компоненты системы знания*» (Ядов, 2007, с. 34). В психологии очень показательными в этом отношении являются про-

веденные в последние годы исследования онтологии психических состояний и гносеологии образов психических состояний (Артищева, 2014; Прохоров, 2013). Образ психического состояния является составляющей не достоверного знания, а единицей индивидуального опыта. Такой образ характеризуется отсутствием предметности, неразрывной связью с переживаниями, отсутствием яркости. Образы различных психических состояний являются результатами отражения накопленного опыта переживания состояний, которые возникали у человека в разных обстоятельствах и ситуациях. Изоморфные состояниям образы фиксируются в памяти и становятся структурными элементами индивидуального опыта переживания состояний. При этом конкретный образ психического состояния может стать подлинным образом мира только при условии наличия у субъекта рефлексии, сопоставления с другими отражаемыми и порождаемыми событиями и ситуациями. Рефлексия образа способствует осознанию психического состояния. Образ сам не только включает в себя опыт, но и способствует формированию его целостной структуры. Внутри структуры опыта образ психического состояния обуславливает обратную связь, регулирует протекание, изменение состояний и поведенческие реакции человека. Образы, на которые человек обращает свой внутренний взор, которые пытается рефлексировать, уже изначально включают в себя переживания и вместе с тем порождают новые эмоции и чувства. Образы психических состо-

яний оказываются соединительными звеньями между недостаточно осознаваемыми эмоциональными реакциями, переживаниями субъекта и отрефлексированными знаниями, с помощью которых он познает мир. Именно посредством образов субъект получает возможность проникать в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Следовательно, образы – это не только единицы индивидуального опыта, но и внутренние факторы, влияющие на становление и развитие его структуры (Прохоров, 2013).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.